

Антонин Яшек

НЕКОТОРЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ГЕНЕТИКИ*(Розмышление над „Генетикой“)*

Последние годы внесли в философскую и вообще в теоретическую работу оздоровление, новый дух, который устранил много традиционных догм. Но все — так еще остается много неудовлетворительного в решении таких вопросов, каким является например вопрос отношения философии к естествознанию, вопрос партийности специальных наук и философии и тому подобное.

Сотрудничество философов и естествоиспытателей, которое теперь надежно развивается, нуждается в устранении некоторых ошибок, имеющих место в отдельных теоретических естественнонаучных дисциплинах и прежде всего в философии. Особенно важным становится правильное решение вопроса: которую группу проблем должна решать философия и которую естествознание. Общетеоретически этот вопрос уже давно объяснен. Энгельс и Ленин часто подчеркивали, что философия ни в коем случае не должна вышаривать себя над естествознанием и остальными науками. Отношение между философией и отдельными науками должно быть отношением сотрудничества, а не отношением непогрешимого, всезнающего ментора и послушного подчиненного. Марксистская философия должна помочь естествоиспытателям освоить материалистическое мировоззрение и диалектический метод познания. Но последние могли возникнуть лишь на основании философской обработки общих выводов и теорий специальных наук. Это значит, что философия должна работать с общими достижениями естественных наук и ни в коем случае не должна заменять их при решении конкретных специальных вопросов. Она должна помогать специальным наукам решить общие онтологические и методологические проблемы, на основе которых каждая отдельная наука вырабатывает потом свои специальные методы познания и решает конкретные частные проблемы.

Но на практике эта марксистская концепция отношения философии к естественным наукам понималась часто превратно. Философы часто высказывали категорические решения о специальных проблемах, о которых иногда самые авторитетные специалисты знали только то, что они существуют. Результатом этого неправильного понимания марксистской концепции отношения философии к естественным наукам был тот факт, что некоторые философские работницы попали несколько раз в положение похуже на положение отцов церкви святой, которые позднейшее развитие наук заставило много раз отказываться от своих слышком поспешных утверждений.

По видимому речь идет о проблеме, какая степень обобщения естествен-

но-научных фактов является необходимой, чтобы стала возможной философская, или вообще идеологическая оценка данного открытия. Не может быть сомнений в том, что философия не должна оценивать каждый единственный естественно-научный факт, иначе она ставит себя над специальными науками, претендует на устаревшую роль „царицы наук“.

Слишком поспешные категорические оценки естественно-научных проблем бываю́т в большинстве случаев обусловлены „хорошо задуманным“ намерением „причесать“ новые открытия так, чтобы они точно отвечали правилам диалектического материализма. Это стремление является ошибочным по нескольким причинам.

Прежде всего — диалектический материализм не должен бояться новых естественнонаучных открытий, и в том случае, если они в первое время выглядят как противоположные марксистской философии. Дальнейшее развитие знаний всегда вело к подтверждению истинности принципов диалектического материализма. А если в будущем имели бы место открытия противоположные некоторым принципам философии, то должны измениться эти принципы, а не объективные явления. Этот вывод необходимо вытекает из марксистского понимания отношения философии к специальным наукам.

Далее, это стремление является ошибочным также потому, что оно вытекает из самоцельного, одностороннего понимания отношения философии к специальным наукам. Естественные науки выступают в этом понимании в роли какого-то подателя примеров для подтверждения истинности философских заключений. Разумеется, что подбирались такие теории и гипотезы, которые точно отвечали установившимся философским формулам. Те теории, которые не удалось полностью втеснить в окостенелое понимание философской системы, или провозгласились идеалистическими и метафизическими, или совсем замалчивались.

Проблема истинности или неистинности разных специальных естественнонаучных теорий решалась, а иногда еще сейчас решается, на основе того, если та, или другая теория отвечает, или не отвечает часто догматическим философским концепциям. Но также понимание отношения философии к естественным наукам явно противоречит настоящим принципам диалектического материализма и запросам социалистического общества.

С вышесказанного вытекает, что мы не хотим защищать позитивистское понимание отношения философии к естественным наукам, которое требует от философии невмешательства в дела естествознания. Нашей целью является показать вредность неправильной интерпретации упомянутого отношения некоторыми теоретиками марксизма, которая не принесла пользы ни философии, ни естествознанию, потому что именно она прямо помогала распространению позитивистских взглядов среди естествоиспытателей. Это неправильное истолкование достигло самых больших масштабов во время культа личности, когда ее поддерживал протекционизм и диктаторство отдельных философов, естествоиспытателей и политических деятелей. Обозначение определенной естественно-научной теории ведущими политическими работниками как единственно правильной и для всех обязательной, исключало возможность дальнейшей дискуссии, без которой, разумеется, нормальное развитие науки невозможно. Вредность показанных приемов проявилась позднее, когда практика — главный объективный судья в вопросах истинности — показала несостоятельность многих официальных теорий, которые

между тем успели сделать большой экономический вред, который, например, в Советском Союзе должны до сих пор устранять. Сегодня уже всем понятно, что виновность за указанные ошибки нельзя сваливать только на плечи естествоиспытателей, потому что протекционизм, диктаторство и дальнейшие бесчинства им навязывались системой идеологических, политических и экономических условий, которые создались во время культа личности.

Развитие естествознания тормозится не только идеализмом и метафизикой, а в определенных условиях эту отрицательную роль может сыграть и догматический подход к марксистской философии. Только новые политические условия сделали возможным покончить с этим неблагоприятным положением и в большинстве случаев удалось поставить эти вопросы на правильный путь. По нашему мнению нерешенной остается ситуация только в некоторых областях биологии — конкретно в генетике.

* * *

Относительная молодость биологической науки, огромная сложность живых организмов, уже сам вопрос сущности жизни и большая дифференциация биологических наук, являются основными причинами того факта, что в биологии больше чем в других естественных науках могут осуществляться самые разные разновидности идеализма и метафизики. Некоторые биологические теории служили основой для расистских и других реакционных взглядов. По этому поводу некоторые философы склонны разжевывать целые биологические дисциплины на социалистические и буржуазные — включая конкретные результаты исследования. Еще сегодня встретим в философской литературе понятия „буржуазная биология“, „социалистическая биология“ и тому подобные. В понятие буржуазная биология включаются все биологические школы и направления находящиеся под влиянием идеалистического мировоззрения, или те, из которых идеализм прямо вытекает. Отождествление понятий материализм — социализм, идеализм — капитализм является неправильным, ведь например дарвинизм и дальнейшие материалистические биологические направления возникли в капиталистическом обществе, неговоря уже о том, что „биология“ это не только общие выводы, но также объективные факты, которые не имеют идеологического характера. Смешно, потому, понимать каждое столкновение взглядов в естествознанию как прямой результат идеологической борьбы классов.

Самая странная ситуация создалась, и все время искусственно поддерживается, прежде всего в генетике. Не существуют две физики, две математики, две геологии, но „существуют“ две генетики. Так называемая формальная, или корпускулярная, и мичуринская, представленная прежде всего академиком Т. Д. Лысенко.

Рождение всей биологической дисциплины на научную и ненаучную, на прогрессивную и реакционную, на социалистическую и империалистическую было в большой степени обусловлено противоположностью мичуринской и хромосомальной теории наследственности и особенно возможностями идеалистических выводов вытекающих из последней.

Как известно, идеализм всегда стремился использовать трудности науки для своих целей. Генетика раньше и в настоящее время является чрезвычайно

удобной почвой для самых разных видов идеализма. До сих пор множество нерешенных проблем таит в себе постоянную возможность идеалистической интерпретации. До создания мичуринской концепции господствовала в генетике идеалистическая точка зрения. Идеологическая борьба между этими направлениями в генетике была с самого начала острой, непримиримой и наивно такой и останется до полной победы материалистической концепции, потому что материализм нельзя примирить с идеализмом. Советская генетическая школа, поддержанная многими философами, поэтому правильно объявила непримиримую борьбу идеализму в теориях наследственности. К сожалению она неограничилась только идеологической областью, но отвергла формальную генетику в целом. Однако формальная генетика это не только часть буржуазной идеологии, это также научная дисциплина со своими фактическими знаниями, специальными методами исследования и т. д. И эта сторона генетики, несмотря на то, что на нее влияет мировоззрение ученых и общественный строй, не имеет идеологического характера. Также как не существуют социалистические, или буржуазные логарифмы, так не существует социологическое, или буржуазное учение о митозе, или мейозе. Естественные теории нельзя механически оценивать только на основе идеологических воззрений их создателей и приверженцев. Научные факты точно отражающие объективные явления имеют обязательно материалистический характер, пусть мировоззрение естествоиспытателя изучающего явление, является каким угодно. Мировоззрение может тормозить, или толкать вперед научное исследование, но является далеко не единственным фактором определяющим истинность, или ложность единичной теории. Идеалистическое мировоззрение естествоиспытателя, или целой школы, не является „доказательством“ ложности его профессиональной работы. Она может быть ложной, но может быть истинной, также как и частные работы естествоиспытателей — материалистов. Истинность, или ложность естественно-научной теории определяется кроме мировоззрения и общего метода множеством обстоятельств, например степенью развития наук, степенью совершенства приборов, индивидуальными способностями ученого и т. д. Никому сегодня не придет в голову отвергать например работы М. Планка по физике потому, что он был идеалистом и стремился применить науку с религией. Точно так не отвергают марксисты диалектику, хотя ее основателем был идеалист Гегель. Но интересно, что найдется много философов и биологов, прежде всего в Советском Союзе а также и в нашей стране, провозгласивших целое корпускулярное направление в генетике „же-наукой“ потому, что некоторые западноевропейские представители этого направления интерпретируют общие выводы своей теории идеалистически и метафизически.

И корпускулярная генетика между тем огромными темпами развивается и совсем не принимает во внимание то, что часть научных работников ее игнорирует. Корпускулярная генетика уже давно непохожа на ту спекулятивную дисциплину знакомую нам из некоторых работ ее основателей.

Генетика, также как и остальные науки, начинала от исследования простых явлений. Эксперименты Менделя открыли определенные закономерности в передаче отдельных свойств родителей потомкам. В начале своего развития генетика концентрировала свое внимание только на изучение этих простых законов наследственности. Но очень скоро появляются такие про-

блемы, как например вопрос носителя наследственности, механизма передачи наследственных знаков и т. д. Но знания о строении клетки не были в это время на такой степени развития, чтобы было можно объяснить эти проблемы на основе экспериментальных данных, потому возникли спекулятивные метафизическо-идеалистические теории о нематериальной, вечной, неизменной наследственной материи, которые поставили генетику против эволюционного принципа в живой природе и вызвали бурное сопротивление среди биологов-материалистов. Таким образом не только генетика, но и вся общая биология разделилась на два противоположных лагеря. Против себя стояли две теории, обе поддерживаемые определенными экспериментальными данными, но в общем исключают одна другую. Позднее образовались две биологических направления, непримиримость которых была еще умножена идеологическим и политическим влиянием.

Большая заслуга чешской биологии состоит в том, что такие ее представители, как А. Брожек, Й. Кржиженецки, Б. Ружичка и другие, во время абсолютного господства учения Вейсмана о непрерывности и изолированности зародышевой плазмы, осознавали противоречие между преформистическим характером геной теории и эволюционной тенденцией живой природы. Замечательны например доклады упомянутых биологов прочитанные на празднике сотой годовщины Й. Г. Менделя в 1925-ом году. В этих докладах явно выраженное стремление к изложению менделизма из точки зрения эволюционной теории. Й. Кржиженецки, например, в своем докладе названном „О наследственности приобретенных признаков и значении менделизма для эволюционной теории“ говорит: „Не все гены — так сказать — имеют одинаковое эволюционно-механическое значение. Гены могут быть ‚старые‘, или ‚новые‘. Правила Менделя действительны только для старых генов, которым их эволюционно-автономное действие позволяет, чтобы развитие знака управлялось почти исключительно их присутствием, или отсутствием. Но для ‚новых‘ генов правила Менделя недействительны, здесь наследственность при скрещивании управляется другими закономерностями, пока еще неизвестными.“²

Менделизм и эволюционизм не находятся по мнению Й. Кржиженецкого ни в каком противоречии. Явления управляемые менделистскими законами не касаются эволюционизма. Менделизм начинается там, где кончается эволюционизм. Не стоит против себя, но взаимно дополняются. Иначе говоря — менделистская наследственность закрепляет то, что возникло эволюционным путем, потому правила менделизма нельзя считать общедействующими. Упомянутые биологи также боролись против отрицания влияния внешних условий на организм и против метафизического понимания этого влияния. По их мнению в зависимости от влияния внешних условий изменяется организм как целое со своими физиологическими процессами и способами питания и изменение этих процессов потом влияет также на половые клетки, то есть на зародышевую плазму.

Прогрессивность воззрений наших биологов на лицо видна, когда их сравниваем с господствующей тогда доктриной Вейсмана, которая излагала как раз противоположные взгляды.

С тех пор прошло несколько десятилетий и генетика существенно изменила свой облик. Бурное развитие биохимии, биофизики, осуществление которых является в сущности применением математических и других точных

методов к изучению живой природы, помогло совершить переход от изучения внешних явлений наследственности, также к изучению внутренней сущности и механизмов процессов наследственности. Исследования процессов наследственности на молекулярном уровне начались недавно, а сегодня проблемой функции дезоксирибонуклеовой кислоты (ДНК) в процессах наследственности занимаются тысячи ученых во всех цивилизованных странах мира. Хотя эти исследования только начинаются, принесли уже некоторые ценные, экспериментально подтвержденные результаты.

В связи с тем необходимо коснуться одного из аргументов сторонников школы академика Лысенко против корпускулярной генетики, основанного на следующем суждении: диалектический материализм говорит, что критерием истинности является практика. Потому истинной будет та теория, которая принесла лучшие результаты в практических отраслях биологии и ложной та, которая „практически бесплодна“.³

Неправильность подобной аргументации в отношении к корпускулярной генетике очевидна по двум причинам. Корпускулярная генетика является научной дисциплиной, сегодня занимающейся прежде всего основным исследованием, а потому нельзя от нее требовать моментального практического применения. Далее потому, что так понимаемая роль практики, как критерия истинности, больше приближаются к прагматическому чем к диалектико-материалистическому пониманию, потому, что в ней практика понимается не как критерий истинности, но как критерий непосредственной пользы. При том необходимо сказать, что корпускулярная генетика добилась уже определенных практических полезных результатов. Например благодаря приобретению новых мутантов-продуцентов антибиотик и их введением в производство, понизилась цена пенициллина больше чем в сто раз. В Швеции был при помощи радиационной селекции улучшен целый ряд растительных сортов. Самое большое значение в западных странах имеет продукция гетерозных семян табака, некоторых видов овощей, а прежде всего кукурузы, где гетерозный эффект достигает ста процентов. В главных кукурузных областях мира применяется гетерозная садьба из девяноста процентов.

Корпускулярная генетика, как мы уже сказали, занимается изучением внутренней сущности наследственности несколько лет и понятно, что начинает из основного исследования. Потому ее нельзя оценивать только на основе результатов достигнутых в практических областях биологии, но прежде всего на основе экспериментально проверенных данных.

Сегодня наверно нет в мире биолога отрицающего большое значение открытия роли ДНК в переносе генетической информации. Это открытие стало началом огромного развития и переориентации корпускулярной генетики. Прежде ничем необоснованные спекулятивные конструкции некоторых генетиков постепенно забываются и заменяются конкретными экспериментальными фактами. Корпускулярная генетика становится действительно научной дисциплиной с много обещающей перспективой и большими возможностями.

Новая ориентация генетики на открывание внутренней сущности наследственных процессов не давала только импульс для развития экспериментального исследования, но также заставила естествоиспытателей задуматься над общими проблемами науки о наследственности. С развитием

познания внутренних процессов клеточного ядра дошло также к изменению содержания некоторых терминов. Существенно переменялось, например, содержание понятия „ген“. Большинство современных генетиков считает, что собственной генной материей являются нуклеовые кислоты, главным образом ДНК. По современным представлениям ген не является морфологически-анатомическим носителем наследственных качеств, но каким то узловым пунктом биохимических действий в клетке, которые определяют способы и качества генетической информации следующей генерации. „Непрерывность генной материи“ понимается потом как авторедупликация нуклеовой кислоты. Это свойство действительно является одним из основных признаков нуклеовой кислоты. Перенос генетической информации у многоклеточных организмов присуждается многими генетиками всем клеткам, не только половым. Все большее число исследователей приклоняется к точке зрения, что наследственные процессы определяются не только процессами хромосомальными, но также внехромосомными, как о том свидетельствуют работы по плазматической наследственности. Эти новые воззрения вели хотя к частичному, но все же полезному устранению преформистических тенденций и заставили многих генетиков задуматься над проблемой отношения организма к внешним условиям. Приведенное понимание понятия „ген“ является очевидно значительным прогрессом в изучении внутренних механизмов наследственности, непротиворечащим материалистическому мировоззрению, хотя в будущем может показаться, что нуклеовые кислоты не являются ни главным, ни единственным определителем характера наследственных процессов.

Но надо сказать, что в приведенных взглядах несомненно скрывается опасность метафизического мышления, потому, что они могут вести к одностороннему подчеркиванию единственного элемента изучаемого объекта и пренебрежению к остальным элементам и внутренним и внешним отношениям.

Теоретически правильную общую позицию занимают в этом вопросе бесспорно представители мичуринского направления в генетике, которые в процессе изучения наследственности принимают во внимание целый комплекс внешних и внутренних факторов, прежде всего ассимиляцию и диссимиляцию, то есть понимают наследственность как свойство целого организма. Но сложность живого тела вынуждает исследователей применять аналитический метод изучения, определить главные и второстепенные факторы обуславливающие ход определенной функции, возникновение свойств и т. д. Корпускулярная генетика также как и остальные науки необходимо должна абстрагировать, изолировать изучаемые части организма от остальных частей, приобрести как можно большие знания о них и только потом переходить к изучению отношений исследуемых частей к остальным частям организма и к внешним условиям. Невозможно изучать отношения между явлениями без знания этих явлений.

По нашему мнению этот этап в генетике является переходной, но совсем необходимой, ступенью в изучении сущности наследственности. Корпускулярная генетика должна идти, как и остальные науки, от познания явлений, к познанию отношений между ними, а не наоборот.

Но нельзя оставить без внимания, что этот успешный метод, которым пользуются все естественные науки, хранить в себе — как мы уже сказали — опасность проникновения метафизики в экспериментальные науки.

Последовательная разработка общей диалектико-материалистической методологии и ее распространение среди биологов становится потому важной задачей нашей философии. Новые открытия в области механизмов наследственности оказали влияние также на формирование нового отношения корпускулярной генетики к эволюционной теории. Несмотря на то, что многие генетики этими проблемами не занимаются, потому что их собственные исследования совершаются в другой плоскости, многие приверженцы корпускулярной генетики были вынуждены под давлением собственных открытий, и открытий представителей мичуринского направления, переоценить когда то совершенно отрицательное отношение хромосомальной теории к эволюционному учению.

Прежде всего — сегодня очень мало корпускулярных генетиков отрицает эволюцию организмов. Большинство предполагает, что основным фактором развития является дарвиновский естественный отбор, поддерживающий развитие случайной возникших крошечных и более выразительных отклонений мутаций, выгодных для организма в данных условиях. Но этим для многих функция внешних условий в развитии организмов кончается. Влияние внешних условий на возникновение мутаций как первоначального фактора развития отрицает также К. Грубы в своей „Генетике“.¹ Хотя на нескольких местах допускает возможность возникновения мутаций под влиянием внешних условий, однако в отношении к эволюции это полностью отрицает. Свое мнение стремится укрепить недостаточно убедительным иллюстративным примером возникновения экотипа алтайской высокогорной флоры, отличающейся от остальных высокогорных форм. На том основании он заключает, что определенный экотип может возникнуть только там, где имеются пригодные мутации. Развитие считает очень сложным процессом, который нельзя объяснить только одним фактором, потому что возникновение новых видов совершается путем совместного действия мутаций, селекции и гибридизации. Но сам попадет в односторонность похожую на им самым критикованное мичуринское направление в генетике, недоценивающее роль внутренних факторов в эволюции организмов. Профессор Грубы, как и большинство современных представителей корпускулярной генетики, недоценивает внешнего фактора. Эта ограниченность становится совсем непонятной, если принять во внимание, что в главе посвященной вопросу о причинах мутаций, автор считает влияние внешних условий за одну из главных причин возникновения мутаций. Несмотря на многие недостатки, эта позиция по сравнению с предыдущим этапом, в котором спекуляции Вейсмана совершенно вытеснили эволюционизм, означает определенный прогресс.

В настоящее время быстро распространяется в Советском Союзе но также и в нашей стране, взгляд поддерживаемый прежде всего представителем корпускулярной генетики в Советском Союзе Н. В. Турбиным и другими, что основным мутагеним фактором является внешняя среда. Но большинство экспериментаторов ограничивает понятие „внешние условия“ на физические и химические действия среды на организм, а никто не занимается вопросом действия биологического фактора на организм.

По нашему мнению, собственная практика в недалеком будущем заставит генетиков по существу переоценить отношение корпускулярной генетики к эволюционному учению.

Пути человеческого познания трудны. Чем глубже в сущность вещей проникает познание, тем более оно становится тяжелым и осложненным. Быстрое накопление все новых, еще не решенных проблем, таит в себе возможность образования науке вражеских взглядов, против которых марксистская философия должна некомпромисно бороться. Успех этой борьбы обусловлен не только знанием общих теорий, имеющих классово-идеологический характер, но также знанием конкретных единичных факторов составляющих основу общих теорий. Иначе невозможно отличить классово-обусловленную часть естественно-научной дисциплины от безклассовой, которая служит любому общественному строю. Смешивание этих двух сторон естественно-научных теорий ведет часто к насильственному приостановлению развития научной дисциплины, общие выводы которой находятся в противоречии с господствующей идеологией. История естественных наук знает примеры, когда идеологические побуждения стали причиной официального запрещения изучения определенного объекта науки. В средние века, например — человеческое тело и во время культа личности — Дрозofiла. Догматизм, господствующий тогда во всех областях общественной жизни занял главные позиции также в естественных науках. Каждый ученый, признающий хромосомальную теорию наследственности, считался чуть ли не „врагом народа“ и целая корпускулярная генетика „буржуазной пропагандой“, стремящейся только обосновать расизм, реакционную эвгенику и т. д. Нетрудно было найти в книгах тогдашнего времени такие жемчужины человеческого мышления, как например: „Гены — это образ господствующего класса, как он сам себе представляется“¹⁵ и много других. Сегодня нас уже не удивляет прежнее отношение философов, политиков и некоторых естествоиспытателей к корпускулярной генетике, но удивляет, что хотя с частично замаскированными, но совсем похожими взглядами встречаемся еще в работах современных авторов.⁶ Эти работы, хотя приносят много интересного материала об использовании генной теории для конструирования расистских, религиозных и других реакционных теорий, недействительны, потому, что отрицают кроме реакционных теорий корпускулярную генетику вообще. Те, которым эти работы предназначены, то есть естествовники, потом искренно удивляются, почему не считается лженаукой также дарвинизм, злоупотребленный социальными дарвинистами, или кибернетика, использованная всевозможными разновидностями механицизма и идеализма, или теория релятивности, квантовая механика и т. д. Бесплодность работ подобного характера еще умножается использованием устаревшей аргументации. Спрячут часто со взглядами старыми несколько десятилетий, которые подавляющее большинство настоящих генетиков давно не признает. Несмотря на то, например учение Вейсмана о от сомы изолированной наследственной материи, поддерживаемое незначительной частью философовствующих генетиков (Й. Гексли, Ц. Д. Дарлингтон и другие), но широко пропагандированное идеологами буржуазии, все еще выступает как один из основных доказательств реакционности целой корпускулярной генетики. Если подумать, что главным посланием работ, занимающихся философскими вопросами естествознания должна быть борьба против антимарксистских взглядов в сознании естествоиспытателей, помощь в решении теоретических проблем, с которыми они встречаются в экспериментальной работе, мы должны сказать, что эти книги свое послание не выполняют. Представим себе, что ученый

успешно решающий, скажем, проблему отношения дезоксирибонуклеовой кислоты и белка в ядре клетки, узнает из марксистской литературы, что его профессия является „лженаукой“, он сам и тысячи его коллег во всех капиталистических и социалистических странах мира — „лакеями империализма“ и т. д. Убедить потом нашего ученого в том, что марксистская философия может быть полезной для его научной работы, бы наверно не удалось. Плохо эти товарищи читают Ленина, хотя на него очень часто ссылаются. Он несколько раз показывал, что надо различать философские взгляды буржуазных ученых от результатов их специальной работы, потому что, хотя им нельзя верить ни в едином слове пока речь идет о философии, они способны давать самые ценные работы в специальных областях частных наук. Из этого факта вытекает для марксистов задача — „усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими „приказчиками“ (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков), и уметь отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести свою линию...“¹⁷

Все настойчивее пробивается к свету необходимость ревизии догматического отношения нашей философии к корпускулярной генетике. В истории естественных наук можно найти немало примеров торможения развития определенной научной области политическим, или идеологическим влиянием. Но наука всегда сумела завоевать для себя место на солнце. И задачей нашей философии является не тормозить, а поддерживать развитие естественных наук. Наука развивается не на основе игнорирования фактов; а дальнейшим углублением и расширением знаний об изучаемых объектах. И важная роль ДНК в переносе генетической информации, менделевская наследственность и дальнейшие открытия становятся неоспоримым фактом.

Научная дискуссия между разными направлениями данной научной отрасли, взаимная критика, опирающаяся на экспериментальные факты, является необходимым условием развития науки. Бесспорно, например, что одна из причин, в следствие которой некоторые формальные генетики обратили внимание на проблемы отношения организма к внешним условиям, наследственности к эволюции и т. д., состояла в научной критике корпускулярной генетики некоторыми представителями мичуринского направления; ведущейся на основе новых экспериментальных фактов — возможность вегетативной гибридизации, превращение яровых сортов хлебных злаков в озимые — и других. Точно так и корпускулярная генетика оказала определенное влияние на развитие мичуринской генетики. Прежде всего заставила ее обратить внимание к исследованию внутренних механизмов наследственности и изменчивости. Оба направления используют также селекционный опыт своих противников.⁸ И это единственно правильный и для науки полезный путь.

Непримиримое противоречие имеется между материализмом и идеализмом, метафизикой и диалектикой, но не между экспериментальными данными. Практическая потребность все больше вынуждает признание успехов экспериментального исследования обоих направлений в генетике. И следовательно утверждаем, что нормализация отношений марксистской философии к корпускулярной генетике, становится в настоящее время первостепенной необходимостью. Не хотим, конечно, утверждать, что марксистская философия должна делать уступки идеализму. Наоборот! Борьба против идеа-

лизма, механицизма и метафизики в науке о наследственности становится более действительной, если будет стоять на позициях марксистского понимания специальной науки как формы общественного сознания, большая часть которой не имеет классового характера. Только общие выводы могут иметь классовый характер. Почему не применять этот принцип также в генетике, если его применяем в большинстве остальных научных отраслей? Г. Дриша, например, критикуют в марксистской литературе не за его эксперименты с дроблением яйца, а за теорию витализма основанную на этих экспериментах. Успех критики витализма был в большой степени обусловлен именно тем, что ее общая аргументация совпадала с аргументацией экспериментальных фактов разных отраслей биологии.

Успех критики антимарксистских взглядов в естественных науках, следовательно также в генетике, в большой степени обусловлен совпадением, или не совпадением идеологической аргументации с данным положением экспериментального исследования. Все больше на первое место выступает необходимость тесного сотрудничества наших генетиков и философов в решении общих проблем наследственности, чтобы устранить ненормальное положение в генетике и чтобы ей занять соответствующее место в системе биологических наук.

Примечания

¹ К. Hrubý: *Genetika*, ČSAV, Praha, 1961.

² *Pamětní spis ku oslavě 100. narozenin J. G. Mendela*, Eugenicá knihovna, sv. 83—84, 1925.

³ Г. В. Платонов: *Диалектический материализм и вопросы генетики*, 1961, стр. 133—135.

⁴ Н. П. Дубинин: *Проблемы радиационной генетики*, Москва 1961 и другие.

⁵ Д. Файф: *Лысенко*, прав. Москва 1952, с тр. 47.

⁶ Ф. И. Захаров: *Диалектический материализм и некоторые вопросы дарвинизма*, Москва 1961.

Г. В. Платонов: *Диалектический материализм и вопросы генетики*, 1961.

Сборник: *Некоторые философские вопросы медицины и естествознания*. Киев 1961, страница 107—121.

Сборник: *Проблема причинности в современной биологии*, стр. 19—26, и другие.

⁷ В. И. Ленин: *Изб. соч.*, т. 14, стр. 328.

⁸ *Диалектический материализм*: изд. ВПШ и АОН при ЦК КПСС, Москва 1960.

Ideologické otázky současné genetiky

Marxistické pojetí vztahu filosofie k přírodním vědám bylo v minulosti velmi často narušováno. Filosofie mnohdy nahrazovala přírodní vědy při řešení konkrétních speciálních otázek, nadřazovala se nad ostatní vědy a mnohdy přímo brzdila jejich vývoj.

Po odhalení kultu osobnosti došlo také k ozdravení vztahu filosofie k přírodním vědám — s výjimkou genetiky. I v nejnovějších dílech sovětských filosofů a některých biologů, je vedle idealistických a metafysických názorů mnohých západních genetiků odmítána korpuskulární genetiky vůbec. Nebere se v úvahu fakt, že korpuskulární genetiky není pouze buržoazní ideologií, je to současně vědecká disciplína se svými faktickými poznatky, speciálními metodami výzkumů atd. Opomíjí se i ten fakt, že současná korpuskulární genetiky ve svém celku není už dávno spekulativní disciplínou, jak ji známe z prací Weismannových.

Před marxistickou filosofií vyvstává neodkladná nutnost přehodnotit svůj vztah ke korpuskulární genetice jako přírodovědné disciplíně. Tím se nutně zvýší její autorita mezi přírodovědci a nabude na účinnosti kritika idealismu v současné genetice.

Antonín Jašek